

УДК 304(444)

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-2-146>

Исторический миф: особенности генезиса, пути «овеществления» и способы реализации

Статья 2

**Смирнова Алла Александровна¹, Леонов Иван Владимирович²,
Кириллов Игорь Викторович³**

^{1, 2, 3} Санкт-Петербургский государственный институт культуры,
Санкт-Петербург, Россия

¹ allasmir@mail.ru, <http://orcid.org/ORCID: 0000-0002-6739-2489>

² ivaleon@mail.ru, <http://orcid.org/ORCID: 0000-0003-0026-3807>

³ os84@yandex.ru, <http://orcid.org/ORCID: 0000-0003-3401-1798>

Аннотация. *Статья посвящена анализу природы исторических мифов, которые являются достаточно сложными и неоднозначными источниками знаний о прошлом. Исследуется фактор использования исторического мифа как специфического источника в рамках функционирования социогуманитарных наук. Обозначаются некоторые тенденции генезиса исторических мифов в рамках Нового и Новейшего времени, в частности усиление роли исторических мифов в контексте национального строительства в XIX в., трансформации мифоисторической сферы на фоне политико-идеологических преобразований первой половины XX в.; в работе обозначены отдельные процессы, происходящие в указанной области на фоне распространения массовой культуры и новых коммуникаций во второй половине XX — начале XXI в. В качестве примера реализации социальной инженерии в сфере исторического мифотворчества рассматривается миф о Ленине, который стал одним из основополагающих мифов в формировании советского человека. В статье рассматривается миф об А. Ф. Керенском.*

Ключевые слова: *исторический миф, культурная память, «гуманитарные технологии», социальная инженерия, ноогенез, миф о В. И. Ленине*

Для цитирования: Смирнова А. А., Леонов И. В., Кириллов И. В. Исторический миф: особенности генезиса, пути «овеществления» и способы

реализации. Статья 2 // Человек. Культура. Образование. 2022. № 2. С. 146–169. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-2-146>

Historical Myth: Features of Genesis, Ways of «Materialization» and Ways of Realization

Article 2

Alla A. Smirnova¹, Ivan V. Leonov², Igor V. Kirillov³

^{1, 2, 3} Saint-Petersburg State Institute of Culture, Saint-Petersburg, Russia

¹ allasmir@mail.ru, <http://orcid.org/ORCID: 0000-0002-6739-2489>

² ivaleon@mail.ru, <http://orcid.org/ORCID: 0000-0003-0026-3807>

³ os84@yandex.ru, <http://orcid.org/ORCID: 0000-0003-3401-1798>

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the nature of historical myths, which are rather complex and ambiguous sources of knowledge about the past. The factor of using the historical myth as a specific source within the framework of the functioning of socio-humanitarian sciences is investigated. Attention is paid to the problem of various degrees of reliability of historical myths and the possibility of their verification. Some tendencies of the genesis of historical myths in the framework of the New and Modern times are marked, in particular, the strengthening of the role of historical myths in the context of nation-building in the XIX century, the transformation of the mythological sphere against the background of political and ideological changes of the first half of the XX century; individual processes are identified in the work, occurring in this area against the background of the spread of mass culture and new communications in the second half of the XX — early XXI centuries are indicated. As an example of the implementation of social engineering in the field of historical myth-making, the author considers the myth of Lenin, which has become one of the fundamental myths in the formation of Soviet man. The myth of A.F. Kerensky is also considered.*

Keywords: *historical myth, cultural memory, «humanitarian technologies», social engineering, noogenesis, myth about V.I. Lenin*

For citation: Smirnova A. A., Leonov I. V., Kirillov I. V. Historical myth: features of genesis, ways of «materialization» and ways of realization. Article 2. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2022; 2:146–169 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-2-146>

Введение. Продолжая изложение материала о природе исторических мифов, начатое в статье, опубликованной в предыдущем номере журнала, напомним, что в ней были рассмотрены такие аспекты исторического мифотворчества как специфика и роль ис-

торических мифов в культуре; особенности их возникновения, закрепления и исчезновения в культурной памяти; реализация и проявление исторического мифотворчества в различные эпохи; была проанализирована роль, которую играют артефакты в возникновении, овеществлении и бытовании исторических мифов. Незатронутым остался ряд заявленных в предыдущей статье проблемных блоков, рассмотрению которых посвящена настоящая статья. В частности, речь пойдёт об особенностях взаимодействия социогуманитарных наук (истории, культурологи и т. д.) с таким явлением, как исторический миф; кроме того, речь пойдёт о пределах возможных отклонений исторических мифов от верифицируемой историко-культурной реальности в рамках научного дискурса, а также о некоторых других аспектах сферы исторических мифов, анализ которых был предпринят в первой статье. В качестве примера генезиса, различных форм бытования и овеществления исторических мифов, включая «гуманитарные технологии» их создания, коррекции и фальсификации будет рассмотрен миф о Ленине, являющийся весьма значимым для отечественной культуры с 1920-х гг. и по настоящее время.

Основная часть. Переходя непосредственно к изложению материала, отметим, что как на уровне научного сообщества, так и на уровне массового сознания (особенно в культурах модернизированного типа) сфера исторических мифов является достаточно сложной и противоречивой в плане её восприятия как источника сведений об историко-культурной реальности. Тем не менее у представителей гуманитарных наук существуют разные подходы и точки зрения относительно статуса исторического мифа, возможности его верификации и использования как источника сведений о прошлом. Указанный дискурс строится вокруг различных практик дешифровки историко-культурных мифов, изучения их языка, смыслообразов и иных специфических особенностей, которые позволяют выделить данные «тексты» в отдельную группу историко-культурных источников. Такие источники требуют особого отношения со стороны науки, особенно с учетом того, что указанная сфера не может быть сведена к полностью верифицируемой; и, кроме того, она достаточно сильно «загрязнена» различными фальсификациями и спорными новоделами. При этом историческая мифосфера имеет высокую степень распространения в

культуре (в том числе в масскультуре) и, будучи социально значимой, нередко бытует стихийно, кодируя и перекодируя сознание масс. Данное обстоятельство еще более усиливает научную актуальность изучения указанной сферы на предмет выявления степеней верифицируемости мифов, степеней их фальсифицируемости, возможности использования в сфере «гуманитарных технологий», формирующих и корректирующих историко-культурное сознание представителей той или иной культуры и т. д.

Переходя к вопросу анализа взаимодействия социогуманитарных наук (в первую очередь исторической науки) с таким явлением как исторический миф необходимо напомнить о том, что связи мифа с верифицируемой реальностью весьма сложные. С одной стороны, в рамках исторической науки оформилось и долгое время бытовало отношение к мифу как к сомнительному источнику, — особенно с учетом того, что многие исторические мифы искусственно фабрикуются и сознательно вбрасываются заинтересованными силами с целью искажения исторической действительности в своих интересах. Указанная тенденция во многом подпитывает господствующее в обществе и в научной среде настороженное, а порой и явно отрицательное отношение к историческим мифам. Также не следует забывать о позитивистских практиках восприятия мифа как заблуждения.

С другой стороны, существует традиция положительного отношения к мифологическим источникам, включая целый спектр позиций по данному вопросу. Некоторые исследователи склонны воспринимать историко-мифологические источники как истинные в полном смысле этого слова, пытаясь обосновать их содержание на конкретно-историческом материале. Однако указанная позиция во многих случаях является зыбкой и порой дискредитирует исторические мифы как источники, которые нуждаются в осторожном и взвешенном подходе.

Третью группу составляют исследователи, воспринимающие историко-мифологические источники более сдержанно, с учётом их природы и различных степеней отклонений от исторической реальности. Наличие мифов — признак значительности явления, исторической личности, артефакта, события; если какой-либо аспект исторической реальности «оброс мифами», это побуждает о многом задуматься, поскольку мифы — это своеобразные маркеры

действительности (включая ее временные проекции), на которые стоит обращать внимание, учитывая при этом природу данных текстов.

На протяжении истории отношение к историческим мифам и их мировоззренческий статус, степень их распространения и доверия к ним менялись (о чём шла речь в предыдущей статье). Определенный импульс к популяризации исторической мифологии был дан на фоне национально-культурного строительства в европейских странах в XIX в. (показательным является мнение Э. Смита, который, рассматривая статус исторического сознания в процессе формирования национальной идентичности, писал: «нациям необходимо обращаться к мифам и прошлому, чтобы оправдать свое отличие, подтвердить свою коллективную “индивидуальность” в каждом поколении через ритуалы, церемонии, политические мифы и символы, искусство и историю» (цит. по: [1, с. 78])); это сопровождалось также институционализацией и ростом дисциплинарного статуса наук, связанных с изучением историко-культурного процесса, в частности фольклористики, этнологии, археологии и др. Историческое мифотворчество, неразрывно связанное с тем, что Э. Ренан называл «обладанием богатым наследием воспоминаний», является одним из существенных аспектов национального строительства, включающего культ предков и представления о героическом прошлом, великих людях и истинной славе. «Сфера воспоминаний», которая, согласно Э. Ренану, являет собой «главный капитал, на котором основывается национальная идея» [2, с. 100], предстаёт как благодатная почва для произрастания исторических мифов. Историческая мифосфера является значимым элементом национального бытия, призванным обеспечивать ценностно-смысловые константы национальных сообществ. В этом плане показательным также мнение В. А. Шнирельмана, который (рассматривая, в частности, вопросы этнонационального строительства) отмечал, что «формирование мифологизированного образа прошлого не является только “конструктивным” актом; оно имеет и огромное “инструментальное” значение в борьбе за повышение политического статуса, за доступ к экономическим и финансовым ресурсам, за контроль над территорией и ее природными богатствами и, наконец, за политический суверенитет» [3, с. 68]. На фоне национального строительства в

Европе, которое активно шло в XIX — первой половине XX в., осуществлялся сбор, систематизация, сравнительный анализ и отслеживание историко-генетических сюжетных линий мифов (включая их мутации и отклонения) с целью изучения прошлого становящихся наций и обретения ими собственной истории и соответствующей идентичности; указанные тенденции проявлялись не только в Европе, но и в других частях земного шара. Тем не менее уже в это время стали себя обнаруживать и явные фабрикация, инсинуации в указанной сфере. Данный фактор способствовал снижению доверия к мифу как к историко-культурному источнику. При этом источниковая база многих исторических периодов ограничивалась лишь историко-мифологическими данными. Научная работа с такими периодами оказывалась весьма затруднительной, а порой и вовсе маловероятной — в силу специфики источниковой базы. Рассматривая данный вопрос, необходимо указать, что в наши дни тенденция осторожного отношения к историко-мифологическим источникам устойчиво проявляет себя — в том числе и по причине наличия в данной сфере большого количества инсинуаций.

Тем не менее согласимся с Л. Н. Мазуром, отмечавшим, что для понимания особенностей функционирования исторической памяти весьма важны «процессы мифологизации, поскольку миф является важнейшим элементом сознания и наши представления о прошлом неизбежно приобретают форму мифа» [4, с. 309]. В таком ракурсе миф предстает как исторический источник, являющийся репрезентантом того или иного события, которое произошло в определённый период времени; исторический миф может быть «разобран» на отдельные составляющие, в том числе на реальные, опосредованно связанные с реальностью и вымышленные факты. Многие исторические мифы сегодня следует относить к специфическим источникам — с учетом особенности их языка и погрешности в отношении интерпретации реальных фактов.

Своеобразный импульс к популяризации исторического мифотворчества был связан с процессами государственно-политического строительства первой половины XX в., которые осуществлялись, помимо прочего, с применением все более совершенной социокультурной инженерии. Реализация данных политических проектов, во многом сопряжённых с модернизационными процес-

сами Новейшего времени, предполагала, помимо прочего, воздействие на общественное сознание с помощью различного «технологического» инструментария, в том числе и с задействованием историко-мифологической составляющей, которое порой было весьма эффективным. Показательно, что в контексте модернизационных преобразований мифотворчество, включая его историко-мифологические формы, не только не свелось к минимуму, но и приобрело еще больший размах и общественное значение (что, в частности, можно связать с сохранением премодерновых форм сознания и становлением практик мифотворчества, присущих модернизируемым культурам).

Одним из действенных путей формирования исторических мифов Новейшего времени являлись практики мифологизации различных исторических деятелей. Ярким проявлением указанной тенденции выступает мифологизация личностей политических вождей и государственных лидеров в СССР, в частности В. И. Ленина. Миф о Ленине во многом наследует архетипические структуры предшествовавших мифологических текстов — мифы о монархах и святых домодерновой эпохи и в особенности мифы о вождах французской революции. Подобного рода организация текста содержится, например, в приводимом современным исследователем ленинского культа Н. Тумаркиным любопытном источнике — статье из советского журнала «Железный путь» за 1919 г., в которой Ленин сравнивается с Золушкой; пройдя через череду испытаний (в том числе и явно инициатического свойства), он достигает совершенства: «У всех народов есть сказки о Золушке, которую долго гнали, притесняли, заставляли терпеть напраслину, а потом правда восторжествовала, и Золушка из замарашки превратилась в жену царевича, в будущем царицу. Мы все были свидетелями такого “поворота колеса” в судьбе В. И. Ульянова-Ленина.

Гонимый не только при самодержавии, но и после февральской революции, постоянно обрекаемый на нелегальное существование, работающий в подполье, не имеющий возможности назвать свое имя, чтоб не провалить любимое дело, В. И. в октябре 1917, как по мановению сказочного жезла, становится во главе правительства в Российской республике. <...>

Вождь Российского пролетариата В. И. Ульянов-Ленин становится признанным — Вождем мирового пролетариата» (цит. по: [5, с. 90–91]).

В российской культуре тенденция к созданию «белого» исторического мифа (иначе говоря, к мифологической идеализации исторической личности) проявляла себя достаточно ярко. Борцы за свободу, революционеры, мыслители и другие выдающиеся личности нередко обретали историко-мифологический ореол и становились объектами общественного почитания. Важно отметить, что такие мифологизированные биографии «выполняли функцию инструмента трансляции определенной идентичности, включая её политико-идеологический аспект, формируя основу для воспитания подрастающего поколения в рамках общества, строящего коммунистическое будущее» [6, с. 166]. Можно упомянуть хотя бы миф о Н. Г. Чернышевском, чрезвычайно значимый для российской интеллигенции второй половины XIX — начала XX в., многие представители которой оценивали Чернышевского очень высоко. Так, известный русский философ Н. А. Бердяев считал, что «по личным нравственным качествам это был не только один из лучших русских людей, но и человек, близкий к святости. Да, этот материалист и утилитарист, этот идеолог русского “нигилизма” был почти святой» [7, с. 142]. Этот миф устойчиво бытовал и в советский период, когда Н. Г. Чернышевского принято было характеризовать как «великого революционного демократа, замечательного писателя и учёного» [8, с. 560], когда по отношению к нему употреблялись, например, такие формулировки: «советский народ <...> свято чтит память предшественника научного социализма в России, пламенного борца и замечательного писателя Николая Гавриловича Чернышевского» [8, с. 563].

В рамках анализа мифотворчества, направленного на идеализацию исторических деятелей, показателен также пример мифологизации А. Ф. Керенского. Миф о Керенском, возникнув после Февральской революции, за достаточно короткое время (весна-лето 1917 г.) успел обрести значительные масштабы и некоторые устойчивые черты. Представляется, что миф о Керенском носил во многом «компенсаторный» характер: мифологизация Керенского была связана с опустошением пространства мифа о монархе; как следствие, личность А. Ф. Керенского стала основой для проекции

мифов указанной природы. Также самостоятельный аспект «белого» мифа о Керенском был выражен в его восприятии как спасителя России:

Тогда у блаженного входа
В предсмертном и радостном сне,
Я вспомню — Россия, Свобода,
Керенский на белом коне [9, с. 81].

По мнению известного исследователя данного вопроса Б. И. Колоницкого, «После падения монархии популярность А. Ф. Керенского, министра юстиции, “министра народной правды”, оформлялась с помощью образов “борца за свободу”, “министра-демократа”, “народного министра”, “первого гражданина» [10, с. 843]. Миф о Керенском нередко принимал весьма экзальтированные формы. Многие сторонники «прославляли “революционного вождя”, “любимого вождя народа”, уникального вождя-спасителя. В это время были найдены образы и риторические приемы, которые впоследствии будут использованы при конструировании культов вождей Гражданской войны» [10, с. 845].

Миф о Ленине — «вожде рабочей революции» и «вожде деревенской бедноты» — начал формироваться практически сразу после прихода большевиков к власти. Подобного рода мифотворчество во многом способствовало созданию и отражению стабилизирующих ценностно-смысловых установок нового типа культуры, порой затрагивая архетипические аспекты её предшествующих периодов. Указанные тексты способствовали консолидации культуры, уменьшению её энтропии, укреплению «культурного монолита», — создавая, в терминологии М. Хальбвакса, «ощущение вневременности» основных компонентов «культурной памяти» [11, с. 336]. Миф о Ленине устойчиво бытовал в советском обществе вплоть до конца 1980-х гг., претерпевая с течением времени определенную эволюцию. Широкое распространение получили в советское время во многом мифологизированные и поэтизированные истории о том, как В. И. Ленин отказывался идти без очереди в парикмахерскую, об общении Ленина с печником, сюжет об «обществе чистых тарелок», история о том, как вождь мирового пролетариата отдал свои варезки караульному у Смольного:

«– Так это сам Ленин был? — не веря своим ушам, переспрашиваю.

Рассмеялся матрос:

– Вот чудак, Ленина не угадал! Да ты, наверное, думал Ленин — это богатырь какой-то, великан... Ещё бы. Царя сверг, миллион буржуев одолел... Слово скажет — по всему миру слышно! Это всё так — сила в нём необыкновенная. А человек он простой, обыкновенный. Наш товарищ, Ленин. Проще сказать — Ильич!» [12, с. 8]. Указанные истории в очень значительной степени коррелировали с устойчиво проявляющимися в российской культуре представлениями о том, как должен вести себя политический лидер; согласно данным представлениям, приветствуется скромность в быту (это было присуще и Петру I, и Ленину, и Сталину), непринужденное общение с простыми рабочими, солдатами, матросами (это практиковали и Петр I, и Ленин) и т. д.

За весьма короткий период миф о Ленине стал одним из наиболее ярких аксиологических аспектов советской культуры (в данном случае показательно мнение В. Бенямина, который писал, что уже в 1920-х гг. портрет Ленина стал одним из центров «новой русской культовой иконографии» [13, с. 192]). В основании этого мифа лежали как историческая основа, так и неverified составляющая — с одной стороны, отражающая многие реалии советской культуры, а с другой — имеющая явно фантастические черты, с высокой степенью зазора между исторической реальностью и мифологическими интерпретациями: «Ленин не умер. Ленин живет. Ленин перестал быть личностью — Ленин стал миллионами. Ленин давно уже сама революция... великая мудрость пролетарской тактики, великая сила пролетариата, воля и уверенность в победе. Ленин не умер. Ленин живет. Нет в мире уголка, где есть трудящиеся, угнетенные, эксплуатируемые, где нет Ленина» (цит. по: [5, с. 152]).

Многие исследователи полагают, что культы политических лидеров эпохи модерна носили, по сути своей, квазирелигиозный характер (см. об этом: [14, с. 129–130]) и при конструировании этих текстов активно использовались агиографические источники и сюжеты. Среди основных аспектов подобной тенденции следует выделить веру в непогрешимость центральных персонажей исторических мифов, гипертрофированное внимание к страдальческому пути политических лидеров, фиксацию их «прозрения», про-

хождение ими определенных инициаций, попытки их обессмертить, практики мумификации политических лидеров и т. п.

Кроме того, сфера бытования исторических мифов (в том числе мифов о вождях) характеризуется тем, что архаичные пласты фольклора и мифотворчества (формы, сюжеты, персонажи и т. д.), бытующие в культурах, вошедших в полосу модернизации, вступали во взаимодействие с новыми мифами. Показательным в данном случае является «Покойнишний вой по Ленине», записанный в Иркутской губ. в 1920-х гг.:

«Ой ишо Владимир та да всё Ильич только,
Ой да на каво жа ты да распрагневалса,
Ой да на каво жа ты да рассердилса-та.
Ой ишо хто у нас будит заведавать.
Ой ишо хто у нас да испалнять будит,
Ой испалнять будит дила тижолыя.
Ой испалнять у нас типеть адин будит,
Ой што адин будит да испалнять у нас
Ой што адин только да Леф Давыдавич» [15, с. 6].

Представляет также интерес и «Заговор от всех болезней», записанный, как сообщается, в Самарской губ. в начале 1920-х:

«Ты, голова моя — Ленин
Ты, кровь моя — армия красная,
Спасите, сохраните меня
От всякой боли и хвори,
От всякой болезни и недуга» [16, с. 11].

Посредством указанных фольклорных «текстов» и в целом посредством мифа о Ленине осуществлялась колоссальная работа по формированию политико-идеологических и нравственных качеств советского человека (см. об этом подробнее: [17]). Транслировались определенные аксиологические доминанты, прививались, помимо прочих, такие установки как честность, трудолюбие, целеустремлённость, бесребреничество, преданность идее, народолюбие.

Культивация и бытование мифа о Ленине поддерживалась целой инфраструктурой, пропитывавшей все советское общество, и включала в себя механизмы коммеморации в системе государственных наград (включая орден Ленина — высший из советских орденов), в системе ленинских монументов (вершиной которых

был мавзолей В. И. Ленина — центральное звено архитектурного ансамбля Красной площади и сакральное место для советских людей), в системе «ленинских наименований» городов и иных географических объектов, организаций, предприятий, учреждений — вплоть до появления «ленинских имен», которыми называли новорожденных (Вилен, Нинель и т. д.), эти имена были довольно распространены в 1920–1930-х гг. Кроме того, «ленинианой» была пропитана вся советская система образования и различные ступени политико-идеологического воспитания, многочисленные профильные музеи, «ленинские комнаты», «ленинские уголки»; также воплощение образа советского вождя нашло яркое проявление в знаково-символической стороне советской культуры (например, изображение В. И. Ленина на денежных знаках), ее художественной компоненте (в создании ленинианы принимали участие такие значительные творцы, как М. М. Зощенко, М. С. Шагинян, С. В. Михалков и др.) и в иных аспектах советской культуры. Естественно, что имя Ленина упоминалось и в государственном гимне СССР.

Особую роль в формировании мифа о Ленине играло киноискусство, которое в силу своей способности оказывать исключительное влияние на сознание масс активно использовалось для конструирования и транслирования многих мифоисторических установок, связанных с личностью вождя. Среди наиболее значительных работ, которые играли существенную роль в создании рассматриваемого мифа, следует выделить дилогию М. И. Ромма «Ленин в Октябре» (1937) и «Ленин в 1918 году» (1939), а также «Выборгскую сторону» (реж. Г.М. Козинцев и Л.З. Трауберг, 1938), «Человека с ружьём» (реж. С. И. Юткевич, 1938) и «Рассказы о Ленине» (реж. С. И. Юткевич, 1957).

В свете концепции А. Дёрнера, формирование мифа о Ленине может трактоваться как реализация того, что люди «усматривают в каком-либо историческом событии или личности потенциальную символическую величину, с помощью которой они пытаются передать свое видение реальности» (цит. по: [18, с. 151]), опираясь при конструировании мифа на принятые в обществе «семантические традиции и структуры образов» [18, с. 151]. Согласно мнению О. В. Заиченко, это позволяет создать «символический мост между прошлым, настоящим и будущим, что делает возможным перенос

характерных черт, присущих центральной фигуре мифа, на всю общность» [18, с. 151]. Это подтверждается эталонно-высоким статусом Ленина для многих советских людей в плане формирования собственных нравственных, идеологических и иных качеств. Миф о Ленине был весьма значим для реализации проекта советского человека.

Мифосфера, связанная с Лениным, имеет и свою теневую сторону, которая получила распространение в западных странах, а в период распада Советского Союза проявилась и на постсоветском пространстве (см.: [19, с. 51–67]) — что выражалось, в частности, в утверждениях о получении В. И. Лениным денег от германского правительства в 1917 г. [20, с. 5–6], в попытках интерпретировать (порой недобросовестно) его происхождение, семейную жизнь, здоровье (в частности, диагноз, приведший к смерти) и прочие аспекты биографии Вождя на предмет его дискредитации.

В рассматриваемом вопросе необходимо указать, что специфика мифологизации исторических деятелей во многом определяется контекстом той или иной эпохи, ценностно-смысловыми установками, присущими конкретным сообществам, — что приводит к созданию либо «чёрных», либо «белых» мифов. Показательными в данном случае являются «чёрные» мифы о Петре I и Павле I, упомянутые в первой части настоящего исследования. Представляет интерес также и «чёрный» миф о А. Ф. Керенском как о незаконном обитателе дворца, самозванце, имитирующем монарха [10, с. 855]. Выбор основных тем при создании «чёрного» мифа о Керенском, по мнению Б. И. Колоницкого, объяснялся влиянием опыта «делегитимации императорской власти в годы Первой мировой войны, в которой сочетались конспирология, ксенофобия, демаскулинизация главы правительства. При этом образы Керенского складывались под влиянием негативных образов Николая Второго, Распутина и... императрицы Александры Федоровны» [10, с. 857–858]. В качестве одного из ведущих в дискредитации Керенского учёный указывает на образ актера — «оперного тенорка», «фигляра», «канатного плясуна», «жонглера», который к тому же феминизировался, и Керенского порой именовали не «актером», а «актрисой» [10, с. 855]; «... слухи о том, что глава Временного правительства лежит на кровати императрицы, играли немалую роль в феминизации Керенского, которая была важным аспектом его

делегитимации» [10, с. 847]. Важным элементом указанного мифотворчества выступает вымышленная история о том, как Керенский бежал из осажденного восставшими Зимнего дворца, переодевшись в женское платье, — что в силу присущих носителям российской культуры гендерных установок воспринималось как дискредитирующее обстоятельство. Указанная история, мутируя и преобразуясь, устойчиво бытовала в различных жанрах советской культуры (см., например: [21, с. 10]); можно вспомнить также картины Кукрыниксов «Последний выход Керенского» (1957) и Г. М. Шегалю «Бегство Керенского из Гатчины» (1938) и т. п. Однако в советской научной литературе этот миф не поддерживался [22]; опровергал эту историю и сам А. Ф. Керенский [23, с. 310].

Указанные тенденции «очернения» отражают всю сложность архитектурного строения исторической мифосферы, многие слои которой формируются в разных историко-культурных обстоятельствах, — что может сопровождаться возникновением нескольких (порой противоречащих друг другу) интерпретаций одного и того же мифа в рамках одного исторического периода. Наиболее яркие «тектонические сдвиги» в сфере исторических мифов происходят в процессе смены исторических эпох с присущими им ценностно-смысловыми (в частности, политико-идеологическими, религиозными и др.) трансформациями. Данные перипетии сопровождаются процессами конфликтности, синтеза, эклектизма, достраивания, обновления и взаимообогащения различных историко-мифологических напластований.

Вторая половина XX и начало XXI в. в плане исторического мифотворчества характеризуются достаточно сильными смещениями, пластичностью и трансформацией указанной сферы, что связано с «размыванием» легитимности и сакральности многих из мифов, проявлением мифотворчества в различных сферах массовой культуры, а также появлением внушительного числа историко-мифологических «новоделов» [24], которые во многом дискредитируют саму рассматриваемую сферу. Необходимо также отметить, что развитие массовой культуры сопровождается сохранением значимости иррациональных практик освоения действительности, что ведёт к росту популярности мифов и легенд среди массового потребителя и побуждает его к мифологической интерпретации реальности (например, довольно ярко указанная тен-

денция проявляется в туристической индустрии [25, с. 17–18]]. Кроме того, одним из факторов, способствующих активизации исторической мифосферы (включая весомую инновационную составляющую, которая обнаруживает себя в ее пространстве), является рост значимости медиакоммуникаций как средства создания, закрепления и тиражирования мифов. Данные коммуникации порой обеспечивают легитимность мифа лишь с помощью его количественного распространения; при этом вопрос о степенях документальной верификации и овеществления мифа зачастую игнорируется. Тем не менее, претерпев за последние десятилетия определённые изменения, историческая мифосфера не утратила своей значимости для современных культур. Некоторые мифы и в наше время обретают статус «учредительных», то есть наиболее значимых с точки зрения обобщенных интерпретаций историко-культурного прошлого.

Рассматривая мифоисторическую проблематику, необходимо указать, что историческая мифосфера не сводима только к мифам, которые всегда «врут»; данные тексты нередко говорят об историко-культурной действительности, но на другом языке — на языке мифа. Разумеется, часть историко-культурных мифов относится к сфере фантастики, а порой имеет откровенно неправдоподобный характер, иллюстрируя сфабрикованную кем-то и для определенных целей реальность. Тем не менее восприятие всех мифов как «мифов» (в смысле неправды) в корне неверно. Миф — это *сложный источник знаний*, в том числе и об историко-культурной действительности. Миф способен выступать как специфический источник, который, помимо прямого повествования, особым образом преломляющего историко-культурную реальность, может многое сообщить об особенностях ценностно-смысловой сферы, стержневых смыслах, менталитете, мировоззрении представителей эпох и культур, в контексте которых создавался мифологический текст, — иначе говоря, может раскрыть многие грани породившей его социокультурной реальности. Анализ такого рода текстов, неоднозначных по своей природе, не может быть сведён к «традиционным» теоретико-методологическим практикам работы с ними, составляющим весомую часть арсенала отраслевого гуманитарного знания — истории, фольклористики, этнологии, филологии, искусствоведения и др. Каждая из частных гуманитарных

наук раскрывает отдельные грани мифа как феномена культуры, порой обращаясь к анализу мифологизированных интерпретаций историко-культурного процесса. При этом в данных обращениях, как правило, преобладает восприятие мифа как архаичного, устаревшего, «неактуального» источника знаний о действительности, — но, тем не менее, представляющего интерес как фольклорный источник, изучение которого позволяет работать с его содержанием, классифицировать (например, выявлять архаичные, домодерновые и современные формы мифов, порой явно противопоставляя их), раскрывать внутренние структуры мифов, осуществлять сравнительный анализ, отслеживать их историко-генетические траектории, включая преемственность на уровне разных культур. Тем не менее в подобном ракурсе миф выступает как достаточно «отстраненный» от актуального поля знаний и «пассивный» объект, олицетворяющий прежние верования и фольклорные тексты, находящийся в одном ряду с архаичными картинами мира, магическими практиками, суевериями, предрассудками и т. п. явлениями прошлых форм переживания бытия.

Однако существуют и практики восприятия мифа как источника, который несёт информацию о действительности и её историко-культурных проекциях — в зашифрованном виде, выраженную на специфическом языке. Особую роль в изучении мифов в данном ключе может сыграть культурология — дисциплина, способная на высокий уровень генерализации культуроведческого материала и достаточно сильное расширение познавательного горизонта той или иной проблематики. «Культурология не просто аккумулирует и включает в единый комплекс многие рядоположенные явления и процессы в культуре. <...> Она исследует и анализирует итоговые данные конкретных наук о культуре и поднимается на другой, более высокий уровень обобщения специфичности мира культуры, вырабатывая такие новые знания, какие никакая другая наука получить не может» [26, с. 18]. В подобном исследовательском ракурсе нужен крайне осторожный, взвешенный, комплексный и междисциплинарный подход. В данном случае показательное мнение известного российского культуролога Л. М. Мосоловой, которая реконструировала картину мира представителей андроновской культуры посредством анализа глиняного горшка на основании детального изучения «улик», относящихся к фено-

менологическим характеристикам лепного сосуда XV–XII вв. до н. э. из погребальных комплексов с. Боровое. «Дешифровка» отмеченных «улик» — своеобразных маркеров явлений большого порядка, которые раскрывают информацию о том, как андроновцы интерпретировали мир — была выполнена Л. М. Мосоловой, помимо прочего, с опорой на генетически связанные с данной общностью священные тексты. В результате, исходя из присущего кочевникам особого мифопоэтического понимания бытия, Л. М. Мосолова обосновала отражение модели мира данной общности в рассматриваемом артефакте. Основу данного подхода составил тезис, согласно которому особенностью мифопоэтической картины мира является то, что «...природа в ней предстает не как итог переработки непосредственных данных органами чувств, а как следствие их вторичной перекодировки с помощью знаковых систем» [27, с. 238], а «язык конструкций и орнамента, освобожденный от конкретной изобразительности, подобно языку музыки и танца, открывает доступ к весьма обобщенной поэтической информации, к полаганию смыслов далекой протородственной нам культуры» [27, с. 237–238]. В результате исследователю удалось представить убедительный и логически выстроенный концепт мироздания андроновского человека. Тем не менее автор неоднократно указывает на то, что нужно деликатно подходить к научному анализу подобных источников; Л. М. Мосолова, в частности, отмечает, что «использование информации, содержащейся в этих священных текстах, должно быть осторожным, не допускающим непосредственной экстраполяции на более поздние эпохи...» [27, с. 233].

Обозначенный выше научный дискурс о пределах возможных отклонений исторических мифов от верифицируемой реальности показывает, что в работе с историческим мифом как источником знаний об истории наличие такого рода отклонений обнаруживает себя практически всегда. При этом диапазон указанных отклонений достаточно широк — от несущественных отступлений и интерпретаций, которые делают работу с мифоисторическим источником вполне реализуемой (особенно если данные источники рассматриваются в связке с научно верифицируемой информацией), и вплоть до глубоких зазоров и отклонений большого порядка между мифами и научно верифицируемой реальностью. Наличие значительных отклонений порой сводит работу с мифами

до уровня гипотез и предположений практически неверифицируемого уровня, авторитет которых может держаться лишь на доверии к научному статусу специалистов, высказывавших данные предположения — тем более если мифоисторическая информация подтверждается крайне опосредованно или вовсе не находит обоснования в сфере научно верифицируемых данных. Соответственно, степень доверия к историческому мифу как к специфическому источнику знаний об истории однозначно выражена быть не может; указанная проблематика решается по-разному в каждом конкретном случае, вывести единый алгоритм работы с мифоисторическими источниками на сегодняшний день практически невозможно. И все же, несмотря на всю сложность и неоднозначность ситуации в работе с историческими мифами, в их изучении наблюдается некоторое развитие — вследствие интеграции научного знания, появления новых подходов, изменения отношения к различным познавательным практикам, используемых человеком в ходе ноогенеза, и других факторов.

Заключение. Итак, исторические мифы (за исключением явно фальсифицированного продукта и спорного нововдела) могут представлять важную и даже необходимую составляющую любой национальной или этнической культуры, и, когда определенному обществу пытаются отказать в праве на исторические мифы, на мифологизацию истории, это может выглядеть как достаточно некорректное вмешательство в глубинные структуры культуры. Показательно в этом плане, что мифосфера (включая историческую мифологию) выполняет множество практических функций, в том числе обеспечивая непрерывность и «живучесть» историкомировоззренческих компонентов различных культур. Данная сфера тесно сопряжена с ценностно-смысловыми аспектами культуры и во многом обеспечивает формирование её «сакрального эпицентра». В силу своей значимости указанная сфера нередко становится объектом для вмешательства (и даже для прямых атак) различных заинтересованных сил, которые стремятся дестабилизировать и неорганическим образом трансформировать её; множество примеров вмешательства подобного рода наблюдалось в последние 30 лет на постсоветском пространстве. В данной ситуации насущной является задача сбережения и защиты учредительных и системообразующих мифов, участвующих в формиро-

вании отечественной историко-культурной матрицы. Показательно, что в Основах государственной культурной политики РФ деформация исторической памяти, негативная оценка значительных периодов отечественной истории, распространение ложного представления об исторической отсталости России отнесены к наиболее опасным для будущего страны кризисным проявлениям [28].

Исторические мифы нужны, но природа их во многом противоречива. Будучи достаточно «засорённой» сомнительными текстами, данная сфера нуждается в крайне вдумчивом и комплексном изучении — без поспешных выводов и необдуманных решений. Работа по изучению указанных феноменов предполагает привлечение и одновременное использование эвристического потенциала многих дисциплин, начиная от культурологии, истории, социологии, фольклористики, лингвистики, этнографии, топонимики и заканчивая данными естественных наук.

Список источников

1. Бушуев В. В., Титов В. В. Национально-государственная идентичность в современном мире и роль исторической политики в ее формировании (теоретико-методологический анализ) // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. 2011. № 4. С. 77–93.
2. Ренан Э. Что такое нация // Ренан Э. Собрание сочинений : в 12 т. Киев: Типография М.М. Фиха, 1902. Т. 6. С. 87–102.
3. Шнирельман В. А. Постмодернизм и исторические мифы в современной России // Вестник Омского университета. 1998. № 1. С. 66–71.
4. Мазур Л. Н. События советского прошлого в исторической памяти современной молодежи: механизмы формирования, поддержания и трансформации // Событие в истории, памяти и нарративах идентичности / под ред. Л. П. Репиной. М.: Аквилон, 2017. С. 309–340.
5. Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб.: Академический проект, 1999. 285 с.
6. Иконникова С. Н., Леонов И. В. Основные модели и «когнитивные ловушки» биографических исследований // Человек. Культура Образование. 2018. № 4 (30). С. 164–174.
7. Бердяев Н. А. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008. 318 с.

8. Богословский Н. В. Николай Гаврилович Чернышевский. 1828–1889. М.: Молодая гвардия, 1955. 576 с.
9. Каннегисер Л. Смотр // Каннегисер Л. Из посмертных стихов Леонида Каннегисера / статьи Г. Адамовича, М. А. Алданова, Г. Иванова. Париж: [б. и.], 1928. С. 80–81.
10. Колоницкий Б. И. Образы А. Ф. Керенского и политическая борьба в 1917 году (на примере газет А. А. Суворина) // *Historia Provinciae — Журнал региональной истории*. 2020. Т. 4. № 3. С. 834–883.
11. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
12. Пинясов Я. М. Обыкновенные вареники. М.: Малыш, 1982. 11 с.
13. Бенямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе / предисл., сост., пер. и примеч. С. А. Ромашко; немецкий культурный центр Гете. М.: Медиум, 1996. 240 с.
14. Москвин Д. Е. «Долгая лениниана»: Эволюция образа Ленина в отечественной визуальной культуре // *Символическая политика : сб. науч. тр. Вып. 2: Споры о прошлом как проектирование будущего / ред. кол.: О. Ю. Малинова и др. М.: ИНИОН РАН, 2014. С. 128–145.*
15. Хандзинский Н. М. Покойнишний вой по Ленине. Иркутск: Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества, 1925. 16 с.
16. Заговор от всех болезней / Записано в с. Виловатове Самарской губ. // *Крокодил*. 1924. № 3 (83) (Памяти тов. Ленина). С. 11.
17. Панченко А. А. Культ Ленина и «советский фольклор» // *Одиссей: Человек в истории / гл. ред. А. Я. Гуревич; Ин-т всеобщ. истории. М.: Наука, 2005. С. 334–366.*
18. Заиченко О. В. Между «Немецкой» войной и Французской революцией: немцы в поисках национальной идентичности // *Событие в истории, памяти и нарративах идентичности / под ред. Л. П. Репиной. М.: Аквилон, 2017. С. 148–188.*
19. Котеленец Е. А. Ленин как предмет исторического исследования. Новейшая историография. М.: Изд-во РУДН, 1999. 224 с.
20. Соболев Г. Л. Тайный союзник. Русская революция и Германия. 1914–1918. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2009. 476 с.
21. Бонч-Бруевич В. Д. В первые дни Октября. М.: Детская литература, 1984. 20 с.
22. Старцев В. И. Бегство Керенского // *Вопросы истории*. 1966. № 11. С. 204–206.
23. Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М.: Республика, 1993. 384 с.
24. Леонов И. В., Прокуденкова О. В. Основные формы и сферы бытования нематериального историко-культурного нововедла // *Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры*. 2018. № 2 (35). С. 35–40.

25. Леонов И. В., Кириллов И. В., Жаркова А. Г. «Новые традиции» как феномен современной туристической отрасли // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). 2020. № 4 (26). С. 13–27.

26. Мосолова Л. М. История и культурология в познании мира человека // Клио и Логос: история и культурология в пространстве взаимодействия : сборник статей и тезисов докладов / отв. ред.: А. В. Бондарев, А. А. Хлезов. СПб.: Астерион, 2017. С. 14–19.

27. Мосолова Л. М. «Обыкновенный» горшок и его культурный космос (о феномене гончарного искусства в культуре Древней Евразии) // Основы теории художественной культуры / под общ. ред. Л. М. Мосоловой. СПб.: Лань, 2001. С. 229–247.

28. Основы государственной культурной политики (утв. Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808) // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (дата обращения: 01.12.2021).

References

1. Bushuev V. V., Titov V. V. National-state identity in the modern world and the role of historical politics in its formation (theoretical and methodological analysis). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M. A. Sholohova* [Bulletin of the Moscow State University for the Humanities named after M. A. Sholokhov], 2011, no 4, pp. 77–93. (In Russ.).

2. Renan E. Chto takoye natsiya [What is a nation]. Renan E. *Sobranie sochinenij v 12 tt.* Vol. 6. Kiev: Tipografiya M. M. Fiha, 1902. Pp. 87–102. (In Russ.).

3. Shnirel'man V. A. Postmodernism and historical myths in modern Russia. *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of Omsk University], 1998, no 1, pp. 66–71. (In Russ.).

4. Mazur L. N. S Events of the Soviet past in the historical memory of modern youth: mechanisms of formation, maintenance and transformation. *Sobytiye v istorii, pamyati i narrativah identichnosti* [An event in history, memory and narratives of identity] / edit. L. P. Repina. Moscow: Akvilon, 2017, pp. 309–340. (In Russ.).

5. Tumarkin N. *Lenin zhiv! Kul't Lenina v Sovetskoj Rossii* [Lenin is alive! The cult of Lenin in Soviet Russia.]. St. Petersburg: Akademicheskij proekt, 1999. 285 p. (In Russ.).

6. Ikonnikova S. N., Leonov I. V. Basic models and "cognitive traps" of biographical studies. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie* [Human. Culture Education, 2018, no 4 (30), pp. 164–174. (In Russ.).

7. Berdyaev N. A. *Russkaya ideya* [Russian idea]. St. Petersburg: Azbuka-klassika, 2008. 318 p. (In Russ.).

8. Bogoslovskij N. V. *Nikolaya Gavrilovich Chernyshevskij. 1828–1889* [Nikolai Gavrilovich Chernyshevsky]. Moscow: Molodaya gvardiya, 1955. 576 p. (In Russ.)
9. Kannegiser L. Smotr. Kannegiser L. *Iz posmertnyh stihov Leonida Kannegisera* [From the posthumous poems of Leonid Kannegiser] / stat'i G. Adamovicha, M. A. Aldanova, G. Ivanova. Parizh: [b. i.], 1928, pp. 80–81. (In Russ.)
10. Kolonickij B. I. Obrazy A.F. Kerensky and the political struggle in 1917 (on the example of the newspapers of A. A. Suvorin). *Historia Provinciae — Zhurnal regional'noj istorii*, 2020, vol. 4, no 3, pp. 834–883. (In Russ.)
11. Hal'bvaks M. *Social'nye ramki pamyati* [Social framework of memory] / Per. s fr. i vstup. stat'ya S.N. Zenkina. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2007. 348 p. (In Russ.)
12. Pinyasov Ya. M. *Obyknovennye varezhki* [Ordinary mittens]. Moscow: Malysh, 1982. 11 p. (In Russ.)
13. Ben'yamin V. *Proizvedenie iskusstva v epohu ego tekhnicheskoy vosproizvodimosti. Izbrannye esse* / Predisl., sost., per. i primech. S. A. Romashko; nemeckij kul'turnyj centr Gete [A work of art in the era of its technical reproducibility. Selected essays]. Moscow: Medium, 1996. 240 p. (In Russ.)
14. Moskvina D. E. "Long Leniniana": The Evolution of the Image of Lenin in Russian Visual Culture. *Simvolicheskaya politika: Sb. nauch. tr. Vyp. 2: Spory o proshlom kak proektirovanie budushchego* [Symbolic Politics: Collection of articles. scientific tr. Issue. 2: Arguing about the past as designing the future] / Red. kol.: O. Yu. Malinova i dr. Moscow: INION RAN, 2014. Pp. 128–145. (In Russ.)
15. Handzinskiy N. M. *Pokojnitsyniy voj po Lenine* [The dead howl according to Lenin]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskij Otdel Russkogo Geograficheskogo obshchestva, 1925. 16 p. (In Russ.)
16. Conspiracy from all diseases / Zapisano v s. Vilovatove Samarskoj gub. *Krokodil*, 1924, no 3 (83) (Pamyati tov. Lenina). P. 11. (In Russ.)
17. Panchenko A. A. The cult of Lenin and "Soviet folklore". *Odissej: Che-lovek v istorii* [Odysseus: The Man in History] / Gl. red. A. Ya. Gurevich; In-t vseobshch. istorii. Moscow: Nauka, 2005, pp. 334–366. (In Russ.)
18. Zaichenko O. V. Between the "German" War and the French Revolution: Germans in Search of National Identity. *Sobytiye v istorii, pamyati i narrativah identichnosti* [An Event in History, Memory and Identity Narratives] / Pod red. L. P. Repinoj. Moscow: Akvilon, 2017, pp. 148–188. (In Russ.)
19. Kotelenec E. A. *Lenin kak predmet istoricheskogo issledovaniya. Novejshaya istoriografiya* [Lenin as a subject of historical research. Recent historiography]. Moscow: Izd-vo RUDN, 1999. 224 p. (In Russ.)
20. Sobolev G. L. *Tajnyj soyuznik. Russkaya revolyuciya i Germaniya. 1914–1918* [Secret ally. Russian Revolution and Germany. 1914–1918]. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2009. 476 p. (In Russ.)
21. Bonch-Bruevich V. D. *V pervye dni Oktyabrya* [In the early days of October]. Moscow: Detskaya literatura, 1984. 20 p. (In Russ.)

22. Starcev V. I. Flight of Kerensky. *Voprosy istorii* [Questions of history], 1966, no 11, pp. 204–206. (In Russ.)
23. Kerenskij A. F. *Rossiya na istoricheskom povorote: Memuary* [Russia at a historical turn: Memoirs]. Moscow: Respublika, 1993. 384 p. (In Russ.)
24. Leonov I. V., Prokudenkova O. V. The main forms and spheres of existence of an intangible historical and cultural remake. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture], 2018, no 2 (35), pp. 35–40. (In Russ.)
25. Leonov I.V., Kirillov I.V., Zharkova A.G. "New traditions" as a phenomenon of the modern tourism industry. *Uchenye zapiski Altajskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury i iskusstv* [Altai State Academy of Culture and Arts], 2020, no 4 (26), pp. 13–27. (In Russ.)
26. Mosolova L. M. History and cultural studies in the knowledge of the human world. *Klio i Logos: istoriya i kul'turologiya v prostranstve vzaimodejstviya: sbornik statej i tezisev dokladov* [Clio and Logos: history and cultural studies in the space of interaction: collection of articles and abstracts of reports] / Otv. red.: A. V. Bondarev, A. A. Hlevov. St. Petersburg: Asterion, 2017, pp. 14–19. (In Russ.)
27. Mosolova L. M. "Ordinary" pot and its cultural cosmos (on the phenomenon of pottery in the culture of Ancient Eurasia). *Osnovy teorii hudozhestvennoj kul'tury: Uchebnoe posobie* [Fundamentals of the theory of artistic culture] / Pod obshch. red. L. M. Mosolovoj. St. Petersburg: Lan', 2001, pp. 229–247. (In Russ.)
28. Fundamentals of the state cultural policy (approved by Decree of the President of the Russian Federation of December 24, 2014 No. 808). *Oficial'nyj sayt Prezidenta RF* [Official website of the President of the Russian Federation]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> [accessed: 01.12.2021]. (In Russ.)

Сведения об авторах / Information about the authors

Смирнова Алла Александровна

доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной и воспитательной работе, зав. кафедрой теории и истории культуры, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, д. 2

Alla A. Smirnova

Doctor of Historical Sciences, Professor, Vice-President in Charge of Academic and Educational Work, Head of the Theory and History of Culture Department of Saint-Petersburg State Institute of Culture

2, Palace Embankment, Saint-Petersburg, 191186, Russian Federation

Леонов Иван Владимирович

Ivan V. Leonov

доктор культурологии, доцент, доцент кафедры теории и истории культуры, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Doctor of Culture-Studies, Associate Professor, Associate Professor of the Theory and History of Culture Department of Saint-Petersburg State Institute of Culture

191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, д. 2

2, Palace Embankment, Saint-Petersburg, 191186, Russian Federation

Кириллов Игорь Викторович

Igor V. Kirillov

магистрант кафедры теории и истории культуры, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Master student of the Theory and History of Culture Department of Saint-Petersburg State Institute of Culture

191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, д. 2

2, Palace Embankment, Saint-Petersburg, 191186, Russian Federation

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

19.01.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

12.02.2022

Принята к публикации / Accepted for publication

27.02.2022